

Сергей БОРОВИКОВ

ЗАПЯТАЯ–17

(В русском жанре–77)

””

В той книге я, читать ещё не умея, полюбил картинки художника Николая Кузьмина. Та книга – «Железная воля» Николая Лескова издания 1945 года. В войну, после републикации в 1942 году в «Звезде», эту, лишь однажды (1876) напечатанную в еженедельнике «Кругозор» и забытую еще при жизни автора повесть многократно переиздали.

Не помню уже когда, но помню, с какого именно места «Железная воля» сделалась мне необходима, наверное я уже был студентом. В самом-самом начале рассказчик говорит: *«Извините меня, вы все стали такая не свободная направленская узость, что с вами живому человеку даже очень трудно говорить. Я вам простое дело рассказываю, а вы сейчас уже искать общих выводов и направление. Пора бы вам начать отвыкать от этой гадости, а учиться брать дело просто; я не хвалю моих земляков и не порицаю их, а только говорю вам, что они себя отстоят, – и умом ли, глупостью ли, в обиду не дадутся; а если вам непонятно и интересно, как подобные вещи случаются, то я, пожалуй, вам что-нибудь и расскажу про железную волю».*

Не преувеличивая, скажу, что эти слова старика Федора Афанасьевича Вочнева стали моим жизненным кредо, другое дело, сумел ли я его всегда отстоять.

А перечитывая неоконченную повесть Пушкина «История села Горюхина», я остановился там, где Белкин вспоминает: *«Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по-старинному, никогда ничего не читывали, и во всем доме, кроме Азбуки, купленной для меня, календарей и Новейшего письмовника, никаких книг не находилось. Чтение письмовника долго было любимым моим упражнением. Я знал его наизусть и, несмотря на то, каждый день находил в нем новые незамеченные красоты».* И тут же вспомнил, что у меня есть «Новейший письмовник»¹, купленный именно из-за иллюстраций Кузьмина.

«Конечно, знаменитый и никому не известный Курганов должен был заинтересовать Пушкина. Николай Гаврилович Курганов (1725–1796) – талантливый самородок, солдатский сын, пробившийся благодаря своим способностям и трудолюбию в науку и в двадцать лет получивший звание “ученого подмастерья”, а в тридцать девять – профессора математики и навигации, – не был профессиональным литератором. Он оставил много книг учебного содержания; его “Универсальная арифметика” сменила знаменитую “Арифметику” Магницкого, по которой постигал науку Ломоносов. “Письмовник” – это его отдохновение от профессорских трудов, любимое дело, в которое он вложил, кроме знаний, много душевной теплоты и не переставал от издания к изданию дополнять и совершенствовать».

Николай Кузьмин был не только, по словам Корнея Чуковского, «самый литературный из всех наших графиков», но и незаурядный писатель. Вот как дивно начинается его книга о детстве «Круг царя Соломона»:

«– Бабушка, подлей молочка.

¹Точнее, в 1976 году Худлит издал лишь один раздел из огромного тома Курганова, бывшего в библиотеке самого художника, который в предисловии (случай несчастый), рассказывает о феномене Курганова.

Бабушка подольет, но непременно скажет:

– А ты, Колюшка, зачерпывай молочка поменьше, а каши побольше: молочко-то нынче шильцем хлебают».

Да и весь рассказ о первой поре жизни уездного мальчика это увлекательная история личности в городке Сердобск.

А в 1909 году он послал свои рисунки в журнал московских символистов «Весы»². Рисунки понравились В.Я. Брюсову, и их напечатали.

И вся его дальнейшая жизнь это череда... нет, не успехов, хотя были в ней и Гран-при и Большая Золотая медаль Всемирной выставки в Париже (1937) за иллюстрации к «Евгению Онегину», и звания, но дело не в этом. Меня поразило, что в его жизни как бы не было провалов, да и просто неудач, а была такая ровная и красивая дорога, что и прожил-то он 96 лет и ровно столько же его жена, создававшая дивно-праздничный мир в своих работах художница Татьяна Маврина. И повоевать успел: четыре ордена за храбрость в Первую мировую. И у красных послужил. И с братьями-художниками дружил, создал успешнейшую группу «13», чью первую выставку в 1929 году официальная критика заклеяла как буржуазно-индивидуалистическую, потому что художники боролись с утомительно обязательным академизмом в искусстве, а впереди уже маячили образцы соцреализма. В этой группе были и тесно связанные с Саратовом Даниил Даран, Владимир Милашевский, Валентин Юстицкий. Большинство были графики, обладавшие неповторимым художественным почерком, который вырабатывался не в расхожей болтовне, которой бывают наполнены мастерские, а в следовании самим выработанным профессиональным принципам. Вот что написал Кузьмин о Милашевском, узнав от Дарана, что тот *«теперь спичкой рисует. – Какой спичкой? – Ну, спичкой, простой спичкой из спичечной коробки. Макает во флакончик туши – и всё. <...> Я вспоминаю в классах рисования мучеников системы, работавших, поминутно проверяя себя отвесом... <...> Я вспоминаю замечания профессоров: “фигура не стоит”, “валится”, “а пропорции?”, “колени не нарисовано”, “ракурс передать не сумел”, “анатомия подгуляла” – испытанные приёмы школьной дрессировки... <...> Но вот чего я никогда не слышал на уроках рисунка ни в Школе поощрения, ни даже в весьма передовой школе Званцевой, где преподавали Добужинский и Петров-Водкин, – это понятия о темпе рисунка (термин, который ввёл в обращение в наших разговорах В.А. Милашевский). <...> “направление и состав первой выставки «13» определялись всё тем же принципом темпа”».*

Приведённая цитата из книги В. Милашевский, «Вчера, позавчера...» (1989), в которую я давно не заглядывал, а сейчас там обнаружил три письма самого художника³, когда-то выловленные мной в куче мусора.

Письма адресованы Ольге Гладышевой, редактору отдела публицистики и очерка журнала «Волга». Почерк обычный, лишь обращение написано с завитушками.

«Посылаю Вам на просмотр редакции “Волга” одиннадцать своих новелл. <...> ...перемеживать их последовательность, это для меня нежелательно. <...> Очень возможно, что всё присланное мною редакции не понравится. В таком случае я очень прошу их переправить в Радищевский музей для некоего архива моего как художника-саратовца».

Ни в какой музей Гладышева, конечно, не обращалась, а по своему обыкновению молчала, о чём следующие два письма, где отчаявшийся старик просит *«написать мне два слова... В середине дела... Так мол, и так. Ваши новеллы из далёкого детства читают или не читают, или так как большинству членов редакционной коллегии Ваши записки активно – не понравились, то... “Не суйся с суконным рылом в калачный ряд”. Я понимаю эту старомосковскую поговорку. Ей богу, не из-за калачей я это писал! Калачи хоть и не очень обильные в другом месте получаю! Очень прошу в случае неудачи позвонить в Радищевский*

²По какой прихоти судьбы в 1964 году десятиклассником на зимних каникулах в Питере я купил журнал «Весы» именно за 1909 год?

³Вообще-то я в прошлом году отдал свой архив Алексею Голицыну. В моём почтенном возрасте спокойнее, когда такие документы, как письма, находятся в надёжном месте.

музей Эмилию Никол. Арбитману, чтобы он прислал за рукописями для Архива Рад. Музея. Уверен, что в 2000 году напечатают...» И наконец в письме, датированном 14 декабря 1971 г., вновь просьба передать рукопись в музей.

Почему тогда Милашевского не напечатали, не знаю, а в моё же редакторство, и, к сожалению уже после смерти художника, «Волга» опубликовала обнаруженную его вдовой крайне неожиданную литературную мистификацию «Нэлли», якобы сочиненную Юрием Юркуном, известным не столько тем, что тоже входил в группу «13», сколько многолетним сожительством с Михаилом Кузминым.

Милашевский тоже владел пером, но совершенно в другом роде: его проза написана художником, что видно в каждой строке.

А вот о художественных работах ни Милашевского, ни Кузьмина не берусь сказать, не умею писать об изобразительном искусстве и уж не стану пытаться: что толку описывать изображение, сообщать о том, что там нарисовано. Скажу лишь, что нет для меня ничего насладительней настоящей книжной графики.

”

А теперь к Курганову. Писать о словесности не в пример проще, не приходится описывать нарисованное, можно просто процитировать.

Приведу несколько из «кратких замысловатых повестей».

«Подъячий сказал одному челобитчику: “Твой соперник дело своё перенёс в другой приказ”. А тот отвечал: “Пусть переносит хоть в ад; мой поверенный за деньги и туда за ним пойдёт”».

«Стряпчий, видя себя презираемого от президента ради его младости, сказал: “Правда, сударь, я молод, однако читал старые книги”».

«Во время обеда некто, захотя посмеяться над шутком, стоящим по другую сторону стола, спросил его: “Какая есть разность между тобою и дураком?” Шут отвечал: “Только стол”».

«Некоторый худой живописец, не могущий кормиться своею работою, уехал в чужие края и сделался лекарем. Но там, об сей перемене будучи вопрошён его земляком, сказал: “Мне захотелось промышлять искусством таким, в котором все погрешности покрываются землёю”».

”

Мой младший сын, с которым я вместе живу, очень не любит цитирования, и я, едва зачешется на языке подходящая ссылка, сразу его, язык, и прикусываю. Но в своих текстах не избегаю.

Если есть у меня читатель, то он вероятно заметил, что я нередко обращаюсь памятью к многолетнему другу, давно ушедшему Илье Петрусенко, у которого я многому научился. И тот же внимательный читатель, для которого я собственно и пишу, мог обратить внимание на мою склонность, даже пристрастие, а может и просто привычку, к уподоблению книжного житейскому и наоборот. Во многом это проявляется в частом цитировании, которым вообще помечено моё поколение. Жонглирование цитатами, ну, из Ильфа и Петрова, превращалось прямо-таки в заразу, когда один-два самых задорных могли превратить уютное застолье в ожесточённую схватку.

Мой друг не больше других был привержен цитациям, но любил к месту припомнить какие-то строки. Как-то в письме с военных сборов, рассказывая, как занемог после бега в противогазах, писал мне: *«Только теперь я понял строки Блока: “Ты отходишь в сумрак алый, в бесконечные круги...”»*

Может показаться, что у меня с Илюшей литературные оценки были близки до одинаковости, но это не так.

Вот пример из рассказа О.Генри «Маятник», где он видел тонкий юмор, а я только фальшь. Судите, кому что.

«Кэти встретит его у дверей поцелует, пахнувшим кольдкремом и тянучками. Он снимет пальто, сядет на жесткую, как асфальт, кушетку и прочтет в вечерней газете о русских и японцах, убитых смертоносным линотипом. На обед будет тушеное мясо, салат, приправленный сапожным лаком, от которого (гарантия!) кожа не трескается и не портится, пареный ревен и клубничное желе, покрасневшее, когда к нему прилепили этикетку: “Химически чистое”».

Это разногласия еще юношеские, я еще не знал справедливой оценки О.Генри М.Горьким: «писатель, утешающий продавщиц и клерков надеждами на счастье; замужество или женитьбу на богатых».

А много позже мы разошлись в отношении Ивлина Во. Дополнительную краску здесь добавляет то, что большой том англичанина Илья купил, а мне его подарил составитель и автор предисловия Гога Анджапаридзе. Но если о простейшем американском юморе О.Генри несложно судить, в отношении Во признаюсь, что видимо мне просто недоступна вся тонкость его британского юмора.

Возвращаясь же к ИЗО, могу лишь повторить сказанное о наших с ним литературных вкусах: общность, изредка нарушаемая частностями.

”

В прошлой, 16-й «Запятой» я обратил внимание, что вольно или невольно соединяю в пары тех, о ком пишу. Там речь шла о писателях, а сейчас вышла пара: Кузьмин – Милашевский. Почти ровесники, коллеги, дружны в жизни, связаны с Саратовом.

Но ведь и у Курганова намечается напарник: в описаниях Кузьминым сердобского детства возникает фигура бриллиантового князя⁴, описание Надеждино на берегу реки Сердоба в окрестностях села Куракино Сердобского района.

Говорливый старичок «загвоздил мне голову своим “бриллиантовым князем”»: *“И всё придумывал, чем бы ему форснуть, чем ещё спесь свою потешить, очень любил шик, любил фасон, любил выхвалку. Целый флот завёл на Хопре, для потехи. Сам за адмирала в морском мундире, в руках подзорная труба, на каждой илюпке по капитану, все матросы в форменной одежде, <...> Ну, и по бабьей части, само собой. Чревобесие – мати блуду. Метресс этих содержал не одну, не две, не дюжину, а целую команду. И своих – крепостных, и нанятых. <...> император всем его бастрюкам дворянское звание пожаловал – а он их со скуки да от нечего делать семьдесят штук наплодил! – Что-то уж больно много – семьдесят человек потомства! – Да ты сам разочти: в молодых-то годах, да при вольных бабах! Дурацкое дело нехитрое”».*

Однако, он и в самом деле был неправдоподобно и безнаказанно богат.

Князь Александр Борисович Куракин (1752–1818) русский дипломат из рода Куракиных, вице-канцлер (1796), член Государственного совета (1810), сенатор, канцлер российских орденов (1802), действительный тайный советник 1-го класса (1807). Создатель усадьбы Надеждино и владелец Куракиной дачи к востоку от Петербурга. За «искусную представительность» и пристрастие к драгоценностям прозван «бриллиантовым князем».

Когда-то ко мне попали⁵ два тома, изданных его правнуком, бумаг семейного архива (Саратов, 1893), заглядывал в них неоднократно, но где уж прочитать...

И Курганов жил в ту же эпоху, и насколько же разны их жизни, и как мне по сердцу,

⁴Удивительно, но это определение я узнал, едва научившись грамоте – дома была книга «Бриллиантовый князь». Удивителен год издания в Саратове этого романа Бориса Неводова – 1941! Между прочим саратовские писатели знали, что в гражданскую войну Неводов был у белых.

⁵Не подумайте плохого, меня в перестроечные времена пригласили на разборку фондов Саратовской областной библиотеки, где два тома из балашовской библиотеки саратовских коллег не заинтересовали.

что оба сошлись под моим пером...

”

Мой старший сын, подполковник МВД в отставке, работает судебным экспертом, в его специализацию входит и почерковедение. Приводимая цитата его озадачила.

«Летописи упоминают о земском Терентии, жившем около 1767 году, умевшем писать не только правой, но и левою рукою. Сей необыкновенный человек прославился в околотке сочинением всякого роду писем, челобитьев, партикулярных пашпортов и т.п. Неоднократно пострадав за свое искусство, услужливость и участие в разных замечательных происшествиях, он умер уже в глубокой старости, в то самое время, как приучался писать правою ногою, ибо почерка обеих рук его были уже слишком известны» (А.С. Пушкин. История села Горюхина).

Впрочем, сказал сын профессионально, если некий жулик сумел обеими руками писать, отчего бы и ногой не научиться.

А от себя скажу, что вновь убедился, что у Пушкина и в самом деле есть ВСЁ.

2022